

Золотые долины

Повесть

1

Илья Погудин приехал домой двадцать пятого июня. Родители отложили разговор на вечер. Или на завтра. Отпустили погулять с Валею.

Гулянье получалось невеселым.

После объятий и поцелуев, до сих пор неумелых — тычки губами в губы и щеки, — побрели по тротуару с присыпанными щебёнкой ямками. Ямок было много, щебёнка хрустела под ногами.

Молчали. Валя всё заглядывала Илье в глаза, то ли ожидая, когда он заговорит, то ли ища в его глазах разрешения задать важные, необходимые вопросы.

— Опять две четверки, — в конце концов сказал Илья.

Отвернулся — не хотелось видеть, как Валино лицо перекосит боль; она сунет кулак в рот, чтобы не закричать. Так страдали девушки в старых черно-белых фильмах, а теперь вот только Валя... Может, еще по разным укромным углам страны остались такие. Немного...

— Не надо, — продолжая глядеть в сторону, попросил Илья. — Перестань.

— И что теперь? Как вы?..

— Ну, так же, как прошлое лето. Или... Решать будем, в общем.

Он обернулся к ней и с удивлением заметил, что лицо спокойно. По крайней мере, нет на нем страдания. Зимой, прошлым летом было...

Поднял глаза на волосы, цвет которых, наверное, называется русым. Илье нравился цвет Валиных волос, то, как она завязывает их узлом на затылке, прямой пробор, по которому хочется осторожно водить пальцем... Да она вся ему нравилась, хотя он даже про себя, мысленно не произносил этого слова, тем более «люблю». Просто с пятнадцати лет знал — ему будто кто-то сказал, — что Валя его девушка и они всю жизнь будут вместе.

Сначала защищал ее, на два года младше, от насмешек пацанов и девчонок, потом стал провожать домой со школы, искать с ней встречи, поджидать неподалеку от ее дома.

Валя была простая. О ней так и говорили, с презрением и иногда сочувствием, — «простая». Училась все время неважно, вела себя тихо, как-то как прибитая. Не увлекалась разными модами, не просила у родителей купить наряды и телефон без кнопок. Никто не слышал от нее щебета, громкого смеха; Валя с увлечением — нет, самозабвенно, что ли, — выполняла монотонную, однообразную работу: часами сидела на корточках над грядками, вырывая сорняки, вышивала мелкие-мелкие узоры на тряпочках, рисовала что-то в тетрадах, с готов-

ностью вызывалась покрасить, помыть посуду, подмести пол...

Кое-как закончив девятый класс, осталась здесь, в родном поселке. На вопросы соседней ее родители отвечали: «Ну а куда ей? Заклюют в городе, в этих колледжах. Простая слишком. Да и сама не хочет».

У Вали были двое братьев и сестра. Все старше, и все более или менее устроились. А Валя... Таких «поскребыш», кажется, называют. Илья ненавидел это слово, но и чувствовал его справедливость. И тем сильнее хотелось обнять ее, спрятать в своих руках...

— Пойдем, — сказал он, и Валя послушно отозвалась:

— Пойдем.

Пошли дальше по центральной улице. Улице Комсомольской. Было тихо, людей почти не встречалось. В основном по домам или в огородах, за оградями. Снаружи нечего делать. Сгонял в магазин, если деньги есть, и обратно.

Илье было уютно в их поселке с неблагозвучным, а для посторонних и диковатым названием Кобальтогорск. Но чувство уюта смешивалось с грустью, в первые же часы начинала сосать тоска, и Илья признавался себе, что если бы теперь жил здесь не по два месяца в год, а постоянно, то тоска, сверлящая, как зубная боль, извела бы, сгноила. Теперь понимал, почему ребята, уезжавшие на учебу, не возвращались, а если и навещали родных, то коротко, и на лицах их держалась печальная полуулыбка, словно у человека, вспомнившего на поминках что-то хорошее, связанное с покойным...

Давно, еще до его рождения, Кобальтогорск был цветущим оазисом цивилизации посреди гор и тайги... В пятидесятые годы прошлого века неподалеку от того места, где позже вырос поселок, нашли залежи кобальта, никеля, меди и решили построить комбинат. Для полутора тысяч рабочих рубили в котловине меж двух хребтов дома, затем стали возводить кирпичные и бетонные.

Кобальтогорск сразу стал поселком городского типа, минуя низшие статусы «деревня», «село», «рабочий поселок», — строили капитально, с размахом. Центральное отопление не только в четырехэтажных домах и учреждениях, но в одноэтажках на две семьи. Их гордо называли коттеджами. Дворец культуры не уступает филармонии в областном центре, столовая как ресторан, разве что без официанток. Здания городской и заводской администраций — настоящие дворцы, повсюду на стенах мозаичные панно: рабочие-богатыри, девушки-физкультурницы, солдаты с добрыми глазами, улыбающиеся шахтеры, летящие балерины, Ленин, гордо глядящий на комбинат «Горкобальт»...

Комбинат вот он — на склоне горы Трудовой. Сереют бетонные остовы корпусов, часть шиферной обшивки ленточного транспортера обвалилась, оставшаяся торчит, напоминая кость оторванной руки...

Илья не застал комбинат работающим — родился через пять лет после закрытия. Не видел, как по утрам по поселку медленно ездили служебные автобусы, собирая мужчин и женщин, как возвращались вечером люди со смены, как награждали на площади

перед заводоуправлением передовиков труда, передавали от одной бригады к другой красное знамя. Но с детства он тоже, как каждый кобальтогорец, сознавал себя сыном комбината, жил им. Даже умершим.

Его водили в садик, большой, просторный, с огромными окнами, бассейном, построенный, как часто вспоминали взрослые, «по ленинградскому проекту». Потом — в школу, тоже просторную, со светлыми классами, широкими коридорами... Школа была построена «по московскому проекту». Его окружали хоть и медленно ветшавшие, но красивые, величественные здания, он ходил по прямым, ровным, совсем не деревенским улицам... Всё это создали для людей, работавших на комбинате, возвели благодаря комбинату.

Как себя помнил, он слышал бодрое: «Вот запустят снова комбинат!...» Потом печальное: «Вот когда был комбинат...» И ему передавалась уверенность, что, если этот скелет на склоне горы снова наполнят мясом оборудования, та неведомая ему счастливая жизнь вернется.

Илья знал из разговоров родителей и соседей: комбинат погибал долго, медленно. Если бы быстро, было бы легче: закрыли, объявили людям, что навсегда и делать им здесь больше нечего. И они нашли бы куда переселиться, где работать. Но большинство ждало, что вот-вот «запустят», вот-вот снова позовут в цеха и шахты.

Комбинат прекратил производство в самом начале девяносто третьего года. Слово подтвердилось на деле наступление нового времени, в которое жители поселка в пяти тысячах километров от Москвы

и в ста от ближайшего города упорно не хотели верить. Телевизор показывал, радио твердило: там закрыли, там остановили, там бросили, — а у них тут почти по-прежнему. Даже снабжение не особо скудело.

Но вот пронеслось как слух — комбинат встает на несколько недель. Слух подтвердился, комбинат встал... Эти недели никак не кончались. Потом новость: вывозят пачуки, разбирают печи! Мужчины бросились к цехам, скрутили, как они считали, воров. Оказалось, не воры, выполняют приказ начальства. Не комбинатовского, а выше.

Какое-то время рабочие — уже по большей части отправленные в бессрочные отпуска — боролись за свой «Горкобальт». Устроили патрулирование, не доверяя оставшимся в штате сторожам, охраняли сами.

Усмирять непослушных приезжали то менты, то бандиты, появлялись экономисты и экологи, разъясняли, что комбинат изначально был убыточным, продукция — неконкурентоспособной, что производство их концентрата оказывает губительное воздействие на окружающую природу, что жить в Кобальтогорске нельзя — повсюду мышьяк, радиация, цианистый натрий, — нужно срочно уезжать, увозить детей...

Многие в конце концов не выдержали и уехали. Не из-за экологии — существовать было не на что. За один девяносто четвертый число жителей, как слышал и крепко запомнил Илья, сократилось почти наполовину: с шести тысяч до трех с половиной.

Родители Ильи, тогда еще совсем молодые, не уехали из-за своих родителей. Те были здесь старожилами, романтиками шестидесятых... Сейчас жива осталась только бабушка, папина мама. Бабе Оле семьдесят пять, и до сих пор она верит, что комбинат возродится, пишет письма в разные инстанции, гордо носит на груди ромбик советского инженера и медальку «Победитель соцсоревнования» 1976 года...

Комбинат растащили до последней железки. Даже бетонные стены покروшили, выдалбливая арматуру. Говорят, днем и ночью стоял грохот, визг болгарок, ревели КамАЗы, скрежетали краны, экскаваторы... Участвовали и местные, бывшие рабочие, мастера, технологи. Плакали и крушили родной комбинат. А что было делать?.. Бросали в кузова грузовиков и пикапов всё железное — от шарниров и мотков проволоки до дозиметров и контейнеров с цезием — и везли в город, чтоб сдать в лом.

Илья родился в девяносто девятом, когда заканчивали разорять комбинат, а осознавать земляков и Кобальтогорск начал такими, какими они оставались и сейчас: сельские жители на остатках чего-то грандиозного. Также, наверное, выглядели последние древние римляне, выращивающие капусту и пасущие коз возле руин Капитолия.

...Вышли на центральную площадь — Октябрьскую, непомерно большую, предназначавшуюся когда-то для многотысячных демонстраций и парадов. Теперь же бетонная плитка покрошилась, из швов и трещин лезли трава, кусты, ростки черемухи, березок. Их вырывали — жители пытались сохра-

нять порядок, — но безуспешно: рано или поздно площадь превратится в пустырь, а потом и в лесок...

Над площадью возвышается памятник Ленину. Тоже бетонный, с облезшей местами побелкой, но сама фигура мифического дяди Ильи и Вали вождя до сих пор поднимала настроение. Руки в карманах, ноги широко расставлены, на лице удовлетворение, какое бывает у людей, завершивших трудное дело.

За памятником здание бывшего райкома, а теперь администрации Кобальтогорска. Трехэтажное, широченное, с высоким загнутым вверх козырьком, который поддерживают четыре колонны. Правда, в холодное время года используется всего несколько кабинетов — те, где установлены печи.

Уютный и образцовый Кобальтогорск гибнул постепенно, «в несколько очередей», как грустно шутили старшие, которых молодежь в шутку с примесью презрения называла «пожилками»... Первая очередь — когда остановился комбинат, вторая — когда комбинат растащили до такого состояния, что легче стало возвести новый, чем восстанавливать этот. Третья очередь — когда из поселка городского типа его разжаловали в село.

А четыре года назад, зимой, случилась авария на ТЭЦ — «смертельный удар».

Илья часто вспоминал ту аварию и ежился от ужаса. Просил кого-то — Бога, высшие силы, — чтобы пережитое ими тогда осталось самым страшным событием.

В мае на ТЭЦ — мощной, построенной когда-то для комбината и будущего города — прекратили подачу электричества из-за долгов. Остановился

подвоз угля. Закрутился на малых оборотах процесс ликвидации «Кобальтогорсктепла», не имеющего средств на погашение долгов... Судебные разбирательства, подписки о невыезде разных начальников и бизнесменов...

В принципе, ТЭЦ могла бы обеспечивать себя электричеством сама — она была оборудована турбиной. Но турбина давно рассыпалась от старости, а запасную разграбили, «разгрызли».

Люди, давно привыкшие к разным неудобствам, терпеливо ждали. В больнице, столовых воду грели на плитах; вместо ванны мылись у обладающих банями знакомых...

Электричество дали только перед самыми морозами — в октябре. Началась судорожная подготовка ТЭЦ к отопительному сезону. Из пяти котлов давно использовали два — один был основным, другой резервным, остальные безнадежно сломаны.

Почти сразу после пуска накрылся основной котел, а перед самым Новым годом случился пожар на «мельнице» — там, где крошат уголь, — погубивший и резервный.

Жителей призвали не паниковать, запретили сливать воду из батарей. А мороз давил за сорок... Через семь часов, когда удалось запустить основной котел, трубы теплотрассы стали взрываться, и в небо красиво и страшно взлетали плотные, ослепительно белые струи кипятка. Поселок посыпало рукотворным снегом.

Когда батареи стали холодными, люди, конечно, включили обогреватели, электроплиты. Не выдержала подстанция.